

Введение в правовую теорию ценности во французском гражданском праве¹

Представлена правовая теория ценности, где ценность рассматривается как явление объективное, неотъемлемое от окружающего мира, одушевленного или неодушевленного. Ценность есть независимая от сознания субстанция, неразрывная часть бытия. Человек лишь познает, открывает ценность, но не изобретает ее. Ценность может иметь экономический и неэкономический (духовный, сакральный и т. п.) характер. Сущность собственности – это экономическая ценность. Право собственности не является имуществом, не является оно и вещным правом, но является фундаментальным субъективным правом, естественным и священным правом человека. Автор критикует некоторые aberrации классической доктрины права собственности, опираясь на интерпретацию положений французского Гражданского кодекса. Рассматриваются приложения правовой теории ценности к нормам о спецификации и приращении. Из этой теории вытекает возможность защитить тех, кто, без потери вещи, теряет часть своего имущества, т. е. часть экономической ценности.

Ключевые слова: ценность; лицо; имущество; вещь; вещь телесная; вещь бестелесная; человеческое тело; имущественные права; собственность; естественный объект права собственности; экономическая сущность собственности; спецификация; приращение.

«Вещь имеет ценность не потому, что она имеет стоимость, как предполагается, но она имеет стоимость, потому что имеет ценность» [9, р. 13]. Эта мысль точно выражает то, что мы предлагаем вашему вниманию в данном введении в правовую теорию ценности. Однако, *a priori*, ценность не является правовым понятием; тогда зачем посвящать ей теорию? Дело в том, что, как будет показано далее, ценность выступает важным понятием права, потому что в действительности любой *«правовой вопрос имеет отношение к объекту, имеющему для его держателя определенную ценность, экономическую или моральную»* [16, р. 199]. Но в общем смысле ценность в праве выступает **как понятие чистого факта, не имеющего никакого юридического значения**. Фактически же ценность приравнивается к цене или рыночной стоимости, обе из которых, безусловно, являются правовыми понятиями, но речь идет **только о понятиях, связанных с субъективной ценностью**.

Однако ценность, определение которой мы дали в наших работах [38] и которое будет раскрыто далее, охватывает объективное понятие². Субъективная ценность, как цена или рыночная стоимость, как и ветер, невещественна. Она не имеет осязаемости, даже абстрактной или концептуальной. Ценность, **которую мы определим далее**, может быть овеществлена. Поэтому овеществление ценности, следовательно, является предварительным принципом – тем постулатом, который мы должны проверить. Только при этом условии ценность может выполнить

* Екатерина Павловна Криеф-Семитко, д-р права (Франция); почетный профессор УрГЮУ (г. Екатеринбург).

Перевод статьи с французского на русский язык В. Д. Бурковой.

¹ Обзор монографии Е. П. Криеф-Семитко «La valeur en droit civil français. Essai sur les biens, la propriété et la possession» («Ценность во французском гражданском праве. Эссе об имуществе, собственности и владении». – *здесь и далее названия приводятся в переводе В. Д. Бурковой*), опубликованной на французском языке издательством «L'Harmattan» в 2009 г. [38].

² Концепция, которая имеет некоторое отношение к объективистской теории ценности, теории философии права. См. на эту тему: [32].

функцию объекта, которую право присваивает ей иногда, несмотря на то что до сих пор она не приобрела конкретной юридической квалификации в позитивном праве. И все-таки, по нашему мнению, ценность *уже* является правовым понятием. Но о каком понятии идет речь?

Ценность никогда не рассматривалась сама по себе. Вот почему мы предложили сначала анализ ценности в метафизическом плане, ибо юридическое определение этого понятия требует, прежде всего, уточнения, в каком направлении мы движемся. В связи с этим краткий экскурс в мир философии права обеспечит интересные направления продвижения, поскольку наше исследование предполагает, что мы рассматриваем **не меру** ценности, **а ценность саму по себе**.

Однако в аксиологическом мышлении понятие ценности не является однозначным. Мы наблюдаем столкновение нескольких доктринальных течений. И все же мы можем схематично разделить их на два основных направления: объективизм и субъективизм³. Объективисты утверждают, что ценности существуют в мире. Они являются неотъемлемыми свойствами вещей, поэтому для нас достаточно лишь обнаружить их. В этом смысле ценность является объективным признаком вещи [29, р. 175]. Что касается субъективистов, то они считают, что ценности не являются свойством вещей. Они существуют только в нашем восприятии внешнего мира [Op. cit., р. 89].

Наше понимание ценности лежит, скорее, в объективистской перспективе, т. е. мы считаем, что все вещи имеют ценность сами по себе и неважно, являются ли они одушевленными или нет. Поэтому мы предлагаем онтологический подход к ценности. Он означает, что ценность существует сама по себе и является единичной по отношению к каждой вещи или существу, одушевленному или неодушевленному. Тем не менее общество не лишено влияния на юридическую природу ценности. Именно при таком подходе мы увидим, прежде всего, что ценность присуща вещам, прежде чем начнем выяснять, какова правовая природа ценности. И, наконец, мы определим существование объективной ценности в позитивном праве.

I. Ценность – неотъемлемое свойство вещей

Все вещи имеют ценность, даже если эта ценность не всегда определена в денежном эквиваленте. Существование ценности вещей не зависит от ее социальной оценки. Ценность, которой обладает каждая вещь, есть ценность-сущность, субстанция, отличная от материальной. Объективная ценность есть нечто присущее вещи подобно ее тени. Философы сказали бы, что она имманентна вещи. Именно таким образом святой Фома Аквинский утверждал в «Сумме теологии», что *«bonum est in re»*, т. е. что добро или красота, иначе говоря, ценность является качеством, присущим самой вещи.

Другими словами, и более конкретно, как весьма справедливо подчеркивал М. Виллей, *«горы не становятся менее красивыми только потому, что до сих пор не нашлось никого, чтобы восхищаться ими. Есть красоты на далеких планетах, которые мы еще не посетили. Эта бутылка вина хороша не потому, что я пью с наслаждением, но я наслаждаюсь, потому что она хороша. И если Дон Жуан Моцарта прекрасен, то это не связано с тем (как, по-видимому, полагают некоторые социологи), что зрители аплодируют, но его играют с заранее распроданными билетами, потому что он прекрасен сам по себе»* [59]. Разумеется, красота так же относительна [37, р. 173], уникальна для каждого человека. Но на самом деле эта относительная красота, вероятно, является особенностью человека, убежденного с незапамятных времен в своем превосходстве над природой, его

³ По вопросу этих двух течений см.: [30, р. 250, 259; 29, р. 35].

окружающей. Относительная красота – только плод человеческой гордыни, ослепляющей до такой степени, что мы не улавливаем чувствами красоту «объективную». Красота, добро, совершенство, истина, как и ценность существ одушевленных и неодушевленных, неуловимы для человеческого общества. Представление о них в обществе носит субъективный характер, но они по существу неуловимы. *«Во всех суждениях, в которых мы заявляем, что нечто является красивым, мы не позволяем никому иметь другое мнение, не основывая при этом наше суждение на каких-то концепциях, но предлагая в качестве основы для нашего ощущения... только здравый смысл»* [Op. cit., p. 175]. Другими словами, считается, что *«необходимость всеобщего согласия во вкусовом суждении является необходимостью субъективной, которая представляется объективной, предполагающей здравый смысл»* [Ibid.]. Наши чувства обманывают нас, и мы не должны им доверять. Поэтому сомнение определенно является добродетелью, которая должна руководить нами. Как абсолютно справедливо заметил Декарт, *«таким образом, поскольку наши чувства иногда нас обманывают, я решил предположить, что ничто не является таким, каким они заставляют нас представлять... полагая, что я был тем, кто склонен терпеть неудачу, как и любой другой, я отвергал, как ложные, все аргументы, которые ранее я принимал для доказательства»* [20]. Сомнение, как и интуиция, было двигателем великих открытий. Поэтому, интересуясь понятиями добра, красоты, истины или ценности в их социальном представлении, которое является результатом суждения, следует отметить, что ни одно из этих понятий не рассматривается одинаково разными людьми. Впрочем, нет необходимости, чтобы это было именно так. Красота, добро, истина или ценность существуют сами по себе и независимо от мнения о них. Истина как реальность красоты или ценность вещей существуют до вынесения любого социального суждения, так что они остаются недоступными в субъективистской перспективе. Они принадлежат к объективистскому подходу, к бытию: они являются концепциями онтологическими.

Итак, ценность как вещь, которая существует сама по себе без необходимости в каком-либо социальном вмешательстве, означает, что ценность существует помимо общества, последнее лишь обнаруживает ее. Поэтому, как и М. Виллей, мы считаем, что *«добро является неотъемлемой частью бытия, в качестве его окончательной или формальной причины»* [59].

Другими словами, ценность заключается в вещи, как *долженствование заключается в бытии*. Вчера настоящее было в зародыше, и оно воплотится завтра. Таким образом, в нашем понимании ценности мы не можем отделить причину от цели, или росток от взошедшего колоса. Семя уже является цветком, даже если только потенциально. Так что общество вмешивается только в качестве внешнего агента, единственной функцией которого является выявление ценностей, а не создание их. Общество выступает в качестве своеобразного катализатора, который позволяет семенам созреть: общество может воздействовать только на природу ценности, но не на ее существование. Эта идея может быть проиллюстрирована в одном из произведений Вольтера. В своей книге *Кандид, или Оптимизм*, Вольтер посылает своего героя путешествовать по всему миру, и в частности в страну Эльдorado. Так вот, прибыв в Эльдorado, Кандид заметил детей, играющих с галькой, которая была не чем иным, как золотом и драгоценными камнями. Золото в Эльдorado не стоит ничего, в то время как для иностранных гостей Кандида и Карамбо – это целое состояние.

Вопрос о стоимости золота, рассматриваемый Вольтером, касается экономического представления о нем в каждом из обществ, а не существования ценности самой по себе. Золото имеет вневременную единую сущностную ценность, но ее

мера отлична в зависимости от того, дают ли ему оценку жители Эльдорадо или Кандид, выходец из другой страны.

II. Юридическая природа ценности

До сих пор мы говорили, что ценность находится в вещах. Она существует сама по себе, без какого-либо социального вмешательства. Тем не менее, хотя она существует сама по себе без какого-либо социального вмешательства, объективная ценность может получить доступ к социальной реальности только через социальный акт. Этот социальный акт является тем, что объективисты называют актом познания [32, р. 81]. До тех пор пока ценность не достигнет социального знания, она, тем не менее, существует только в виде субстанции. В этой перспективе реальность – это познанное, тогда как непознанное принадлежит не сфере небытия, а еще не обнаруженному, или, вернее, пока еще не открытому. Таким образом, акт познания позволяет ценности получить доступ к юридической жизни, которая всегда является социальной.

Следует признать, что этот анализ подпадает под доктрину естественного права и по этой причине вызывает гнев позитивистов. Но эта критика не является, на наш взгляд, оправданной, потому что, как отметил М. Виллей, нет никаких оснований запрещать выводить должностное из бытия, так что необходимо констатировать, вместе с автором, слабость аргумента позитивистов: *«Слабость их аргумента в их предпосылках: они начали с отчуждения природы и бытия от их аксиологического содержания. В конкретном бытии и природе имеется нечто большее, чем просто научный факт. Достаточно восстановить старый реалистичный взгляд на природу, вернуть природе эту “ценность”, которую современники произвольно у нее ампутировали, как тотчас же проявится тщеславие позитивистов»* [59].

Так что акт познания, философский концепт, является в юридически узком смысле обнаружением, т. е. находкой, а не творением *ex nihilo*. Поскольку объективные ценности существуют независимо от общества, это последнее их только обнаруживает, находит случайно в ходе своей эволюции. Например, было время, когда люди не знали железа. Это не означает, что железа еще не существовало, со всеми его ценностью, функциями, физическими и химическими характеристиками – просто его существование еще не было доведено до сведения человечества. Так же обстоит дело с ценностями, которые находятся в вещах подобно молекулам. Невидимые невооруженным глазом, они, тем не менее, там находятся.

Следует понимать, что выведение ценностей на правовую сцену не меняет их структуру и не ставит под сомнение их существование. Что изменится, так это социальное видение природы, а не сама природа. Выводя ценности на правовую сцену, акт познания автоматически включает их в субъект-объектные отношения, что приводит к следующему вопросу: возможны или невозможны данные отношения? Это первый вопрос, возникающий после того, как открытие свершилось. Установление таких отношений повлечет необходимость в представлении этой ценности в обществе. Вот в чем проявится социальный характер ценности. Тем не менее необходимость представления ценности в мире не влияет на само существование последней, но оказывает воздействие на его правовую природу.

Такое представление ценности варьируется в зависимости от общества, пространства и времени. Оно может быть рыночным или нерыночным. И этот вопрос в эпоху глобализации становится международной проблемой [17, р. 148]. Что подтверждает, и это по-прежнему актуально, необходимость создания общей правовой теории ценности. Например, сегодня, в соответствии с положениями ст. 16-5 французского Гражданского кодекса (далее – ФГК), *«соглашения, имеющие целью придать имущественную ценность человеческому телу, его органам или тканям,*

ничтожны» (здесь и далее перевод дается по: *Французский гражданский кодекс : учебно-практический комментарий* / Ю. Гонгало, А. Грядов, К. Криеф-Семитко и др.). Это не означает, что человеческое тело не имеет никакой ценности, а лишь то, что его ценность не может быть предметом экономических отношений в нашем обществе и, следовательно, предметом имущественного права. Представление о нем – это представление о почитаемой ценности, потому что тело – феномен почитаемый⁴. Тело человека является средством человеческого существования, которое является по своей природе лицом, а не вещью. И «*придание ценности лицу как таковому, вне индивида, каким он является, неизбежно выводит его из сферы вещей. Короче говоря, потому что установили человечество субъектом достоинства, которое проявляется в каждом человеке, то поэтому лицо исключает человеческое существо из мира вещей. И именно исходя из самой сути человечества, он возвышается над сферой соглашений*» [48, № 6]. Итак, человеческое тело рассматривается в ФГК в качестве **лица во плоти**, а не вещи. Это одна из причин того, почему французское позитивное право не признает законности договоров о суррогатном материнстве, которые под ложным предлогом оказания услуги материализуют человеческое тело и, хуже того, – человека.

В древности, наоборот, ценность человека могла быть представлена экономически, поскольку не все человеческие существа обязательно имели качества лица. Именно так рабы могли быть объектом соглашений [28, р. 103]. Сегодня человек обязательно является лицом. Поэтому он не может иметь имущественную ценность. Однако, даже если он не представляет экономической ценности, человеческое тело, его элементы и продукты не обязательно находятся вне гражданского оборота, до тех пор пока они не перестанут рассматриваться как составные части лица во плоти или по предназначению [48, № 7]. Мы еще вернемся к этому вопросу. В данный момент мы продолжим, обращая ваше внимание, что понятие объективной ценности позволяет развести понятия имущества и вещей, вещи и лица.

Если сегодня общество не должно никоим образом влиять на квалификацию ценности человеческих существ, которые, по сути дела, т. е. по своей природе, есть человеческие существа, а не вещи, то в отношении вещей обязательно проявляется влияние общества на их объективную ценность. Но это только представление о ценности в мире, зависящее от отношения общества, до сведения которого она доводится, а не само существование данной ценности. Таким образом, когда возможно экономическое выражение ценности, тогда вещь и связанная с ней ценность представляют собой имущество. Когда экономическое выражение невозможно, тогда вещь и ее ценность не могут представлять собой имущество, однако все же остается вещью годной, не бесполезной, просто ценность вещи не является ценностью экономической [47, № 9].

Другими словами, объективная ценность, ценность-сущность существует сама по себе, независимо от взгляда общества. Но как только эта ценность доводится до сведения общества, за актом познания немедленно следует представление ценности в обществе. Именно с этого момента общество осуществляет вмешательство. Оно решает, подлежит ли эта ценность рыночной оценке, или, наоборот, она должна будет оставаться вне рынка [48, № 10]. Этот анализ, по нашему мнению, подтверждается положениями ст. 16-1 и 16-5 ФГК, исходящими из закона от 29 июля 1994 года о биоэтике. Действительно, ст. 16-1 ФГК предусматривает, в частности, что «*человеческое тело, его органы и ткани не могут быть объектами имущественного права*», и мы уже обозначили то, что уточняет ст. 16-5. На

⁴ Этого вопроса касаются следующие работы: Малори Ф. Уважение к человеческой жизни, произведению Бога или природы [49], Муан Ж. Вещи вне коммерции [52], а также статьи Кс. Лаббе «Останки – это святое» [40], «Ценность замороженного эмбриона» [42], «Состояние тела человека до рождения и после смерти» [39].

наш взгляд, эти правовые нормы, несомненно, основаны на объективистской теории ценности.

В самом деле, человеческое тело не может не иметь ценности и является вещью по своей природе, но оно не может иметь экономического выражения, потому что является воплощением человека. Вот почему оно не может быть объектом имущественного права. Поскольку ему нельзя присвоить никакой экономической ценности, человеческое тело, если оно является вещью, имуществом не является. Как это отметил К. Лаббе, «Закон от 29 июля 1994 года не ставит никоим образом под сомнение двойственное качество, которым может обладать человеческое тело. Ни в одном принятом нормативном акте не написано, что тело является или не является вещью и что оно было бы или не было бы лицом. Закон 1994 г. говорит лишь о том, что тело, его элементы и его продукты не могут быть предметом имущественного права (ст. 16-1 ФГК). Все комментаторы сходятся во мнении по поводу смысла следующего выражения: законодатель указал, что человеческое тело не имеет денежной стоимости...» [42]. Закон № 2004-800 от 6 августа 2004 года о биоэтике не изменил взгляда на человеческое тело, его элементы и его продукты⁵. Таким образом, человеческое тело не может иметь какую-либо экономическую ценность, какова бы ни была воля лица, в нем воплощенной⁶. Тем не менее некоторые продемонстрировали, что можно иногда в этом сомневаться⁷. Наряду с лицом во плоти, существует лицо по назначению, которое по своей природе является вещью, но из-за своего предназначения служить человеку будет принимать облик человека. Таков случай с протезами⁸.

Это понятно, так как, с нашей точки зрения, общество еще не определило само понятие ценности вещей, а только определяет, какое место будет найдено для нее в мире. Именно поэтому мы можем вместе с Карбонье сказать, что «не все вещи – имущество» [7, № 45]. Но это не противоречит факту, что все они имеют ценность, которая может быть, в зависимости от общества, экономической или священной, но и нравственной, религиозной, обосновывая таким образом природу вещей, которые будут являться, в соответствии с представлением об их ценности в мире, товаром или *res sacrae* или *sanctae*⁹, короче – вещами почитаемыми. Что касается лиц, то их ценность может быть определена только в соответствии с их природой, которая препятствует тому, чтобы их рассматривать иначе, нежели лиц. Кроме того, лица, по существу, имеют ценность объективно почитаемую, объективно нерыночную. Короче говоря, общество не может представить ценность человеческих существ, потому что она должна быть мерой всего человечества, сущности бесконечно более высокой. Общество может, следовательно, только констатировать ее.

III. Юридическое понятие ценности в позитивном праве

Юридическое понятие ценности, как читатель уже наверняка догадался, рассматривалось до сих пор как понятие метафизическое. Теперь мы должны определить существование объективной ценности в позитивном праве. Другими словами, мы должны предложить такую концепцию ценности, которая влечет за собой ее конкретный характер, но сразу же уточнив, что конкретный характер не

⁵ О законе от 6 августа 2004 г. см.: [3; 22; 25].

⁶ По поводу более детализированной позиции см. работу Кс. Лаббе «Передача останков» [41, р. 123].

⁷ См. следующие работы: Эдельман Б. От собственности-лица к ценности-желанию [21, р. 155]; Легро Э. Эмбрион – дефектный продукт [44]; Суан Б. Кандид и патентоспособность генома [58]; Лаббе Кс. Ценность замороженного эмбриона [42].

⁸ См. следующие работы: Бертен. Руки прочь от моих зубных протезов [5]; Бод Ж.-П. Протез, лицо по назначению [2]; Лаббе Кс. Собака-протез [43].

⁹ Об этих понятиях в римском праве см.: [28, р. 263].

обязательно предполагает, что ценность имеет материальную природу, но только то, что она представляет собой реальность, даже если она абстрактна. И это – парадокс. Эта объективная ценность, как мы увидим, является экономической сущностью имущества. Она отражает суть вещей, которые могут представлять собой имущества. Таким образом, по сути, объективная ценность как экономическая сущность вещей – это, на наш взгляд, естественный объект права собственности.

С этой точки зрения мы увидим, что сущность собственности есть не что иное, как их экономическая ценность, которая предстает в виде количественного вместилища. В принципе эта ценность прилагается к вещи, но, поскольку она объективна, она может иногда отсоединиться от вещи, к которой она была прикреплена, чтобы в свою очередь, в случае необходимости, рассматриваться отдельно.

Если ценность представляет собой сущность имущества, то это потому, что она позволяет квалифицировать его юридически. Действительно, если мы будем полагать, как это делают объективисты, что всякая вещь имеет ценность, то, следовательно, при появлении вещи на правовой арене возникает необходимость определения Правом характера этой ценности: является ли она экономической или неэкономической. Такое определение природы ценности приводит к выводу о природе вещи. Иногда вещь будет входить в гражданский оборот и, значит, может быть определена как имущество; иногда вещь будет оставаться вне гражданского оборота, и тогда она не будет квалифицирована как имущество. Если вещь не является имуществом, она не может быть объектом права собственности.

В связи с этим Жиноссар утверждал: *«Собственность выражает отношение, которое объединяет неразличимым образом все имущество без исключения с человеком, которому оно принадлежит»* [27, № 68]. А если, как мы это ощущаем, ценность имманентна имуществу, то она, наверняка, является существенным объектом собственности. Таким образом, объективная ценность, когда она является ценностью экономической, обеспечивает классификацию имущества как количественного вместилища, а не количественно определенного содержания.

А) Ценность, сущность имущества

В той степени, в которой мы выдвигаем предположение, что ценность является сущностью имущества – утверждение, которое мы должны, конечно, проверить, – мы планируем определить понятие ценности – понятие неизвестное – исходя из хорошо известной концепции имущества.

С этой точки зрения рассмотрение экономической ценности как сущности имущества предвосхищает новый подход к понятию имущества. Как только мы преодолеем этот новый этап, мы сможем доказать, что ценность действительно представляет собой экономическую сущность собственности.

Идея, которую мы хотим проверить, следующая: имущество – это вещь, ценность которой является объектом экономического выражения в обществе. Однако классическое понятие имущества не позволяет удовлетворительно определить понятие ценности, поскольку классическая доктрина [4] считает, что имуществом являются все имущественные права, среди которых она помещает и право собственности. Конечно, можно возразить, что если классическая доктрина не устанавливает понятия ценности, так это потому, что наше предположение неверно или неправильно сформулировано. На самом деле, как мы это докажем, возражение не имеет места, тем более что мы не будем пересматривать положения позитивного права, но только их интерпретацию, которая производится классической доктриной.

Что происходит в этой области? В соответствии с французской классической доктриной имущество – это права, а не вещи; это то, с чем мы не согласны. И все же, однако, на основании единодушно принятой дефиниции мы предлагаем опре-

делять понятие имущества так, как мы его понимаем. Так, с широко распространенной точки зрения, «*имущество есть вещь, на которую может распространяться собственность*» [18]. «*Чтобы вещь превратилась в имущество, нужна возможность присвоения*» [7, № 46, р. 83]. Короче говоря, имущество – это вещь, но не любая вещь; это вещь, которую можно присвоить. Другими словами, имущество – это прежде всего вещь, *res*. Но имущество – это не любая вещь, потому что она должна быть такой, на которую может распространяться собственность. На наш взгляд, если вещь может быть присвоенной, то это возможно лишь на основании экономической ценности, которая ей присуща.

В соответствии с классической доктриной имущество не является вещью. Путем какой-то неясной трансмутации, несколько загадочной, классическая доктрина пришла к мысли, что, на самом деле, все имущества являются имущественными правами. Поэтому Бедан утверждал: «*В конечном счете, поскольку вещи юридически являются имуществами только через права, в которых они служат в качестве поддержки, слова “имущества” и “права” можно считать синонимами*» [6]. И эта идея принимается большинством ученых, которые считают, что только права заслуживают называться имуществом, поскольку материальные вещи сами по себе не заслуживают квалификации имущества; т. е. материальные вещи имуществом в юридическом смысле этого слова не являются. В соответствии с этой доктриной то, что материальные вещи не являются имуществом, объясняется тем, что она полагает имуществом право собственности, присущее телесным вещам. Другими словами, это право собственности, которое является имуществом, а не вещь, которая является его объектом. Именно этот взгляд на собственность лежит в основе классического понятия имущества, что мешает понять некоторые институты – такие, как собственность права требования и в общем собственность на нетелесное имущество.

Теперь мы предлагаем порвать с этой конструкцией, с тем чтобы предложить более рациональную. Собственность не является имуществом, совсем наоборот. Конечно, в классическом понимании собственности, право собственности инкорпорировано в телесную вещь, так что телесное имущество было бы и правом собственности, тогда как бестелесные имущества представляют собой иные виды прав. На наш взгляд, теория инкорпорации права собственности в телесную вещь приводит к непреодолимым абберациям, и в частности к грубой несогласованности, которая состоит в том, что существует выражение «*распоряжаться правом распоряжения*» [60, № 51].

Если понятие имущества является абстракцией, то это потому, что оно было перепутано с понятием права. Однако эта путаница не оправдана, потому что имеет тенденцию вывести вещи из области Права, так как Право знает только права, которые существуют по отношению к вещам, но не сами вещи.

Но что такое вещь на самом деле? Под этим названием мы находим яблоко, дерево, яйцо, пшеницу, автомобиль, здание... Речь идет о вещах, подвластных восприятию чувствами, т. е. вещах телесных. Но можно ли среди них найти такие, которые чувствам неподвластны, вещи неосязаемые, невидимые, без запаха и вкуса, т. е. вещи без тела?

A priori, бестелесные вещи в позитивном праве не существуют. Классическая доктрина учит, действительно, что имущества, которые не являются вещами, есть вещные права, или права обязательственные, или же интеллектуальные права. Следовательно, только имущество может быть телесным или бестелесным, что же касается вещей, то они всегда телесны. Однако, по нашему мнению, это различие между вещами и правами является результатом ошибочного и непоследовательного постулата, согласно которому право собственности инкорпорировано в телесную вещь, так что телесная вещь является правом собственности, тогда как все

бестелесные вещи являются иными правами. Как заметил господин Зенати, «все существенные принципы классической теории собственности стремятся, как правило, структурировать идею, что собственность является имуществом, что неприемлемо... В любом случае трудно представить себе – независимо от теории собственности, которую мы принимаем, – что основная взаимосвязь между лицами и имуществом могла бы быть сведена до статуса какого-то имущества» [Op. cit., № 76]¹⁰.

Однако, вопреки тому, что почти единодушно высказывают авторы¹¹, ни римское право, ни ФГК не смешивают право собственности с телесными вещами, так что есть место как для бестелесных вещей, так и для вещей телесных, когда они имеют то качество, которое позволяет им быть присвоенными, становясь имуществами. Чтобы убедиться в этом, мы должны теперь дать определение понятию вещи. Исходя из этого определения, мы покажем, что право собственности не может быть смешано с телесными вещами. Право собственности является связующим звеном между субъектом права и объектом права, т. е. имуществом.

Французский Гражданский кодекс имеет очень близкую к римскому праву концепцию. В ФГК, как и в римском праве, вещи могут быть телесными или бестелесными. Как те, так и другие могут выступать объектами права собственности. Мы рассмотрим последовательно понятие вещи и понятие собственности в римском праве и в ФГК.

Римское право различало вещи (*res*) телесные и бестелесные. *Res corporales*, которые подвластны восприятию чувствами, *quae tangi possunt* [28, p. 273]. *Res incorporales* – это вещи, которые неподвластны восприятию чувствами, *quae consistunt in jure*. Другими словами, в римской концепции вещей не существовало различия вещей и прав, которые бы вещами не являлись, но были телесные вещи и бестелесные вещи, которые являются правами.

Римское право различало также *res in patrimonio* и *res extra patrimonium*. *Res in patrimonio* – это те, которые являются частной собственностью лица, или те, которые могут ею быть. *Res extra patrimonium* – это те, которые не принадлежат никому и не могут никому принадлежать [Op. cit., p. 260]. Следовательно, *res in patrimonio* есть все вещи, способные быть присвоенными, т. е. способные быть объектом права частной собственности. Речь идет об имуществе.

Однако как *res corporales*, так и *res incorporales* могут быть – те и другие – *res in patrimonio*. Следовательно, и *res corporales*, и *res incorporales* могут быть предметом права собственности. Другими словами, телесные вещи, как и бестелесные вещи, которые являются правами, есть имущество, на которое может распространяться право собственности.

Все эти понятия были бы кристально прозрачны, если бы их не извратили путем применения романистской концепции к ФГК, притом что он, очевидно, воспроизводит римскую концепцию *res corporales* и *res incorporales* и рассматривает право собственности как *dominium*, а не как *jus* [61, № 45; 64].

Как мы уже неоднократно отмечали, искажение понятия собственности является результатом ложного постулата, что право собственности инкорпорировано в телесную вещь. Согласно этой теории, когда речь идет о телесном имуществе, речь всегда идет и о праве собственности тоже, поскольку все бестелесные вещи являются иными правами, нежели право собственности.

По нашему мнению, ФГК никогда не утверждает, что собственность является имуществом, а в действительности он говорит прямо противоположное, поскольку утверждает, что собственность – это право на вещь. Так как же пришли к идее, что право собственности инкорпорировано в телесную вещь?

¹⁰ О концепции собственности в российской юридической доктрине см.: [62; 63; 64].

¹¹ См., например: [7, № 81; 51; 8, p. 18].

Право собственности не является имуществом, оно не может быть имуществом, потому что это оно является связующим звеном между субъектом и объектом, который является имуществом. Право собственности является фундаментальным субъективным правом [Op. cit., № 594], характеризующимся отношением принадлежности, которое объединяет предмет, объект права с субъектом права [23], т. е. с лицом. Таким образом, право собственности не может быть сведено к статусу объекта, поскольку оно является правом столь же фундаментальным, как свобода или равенство. Другими словами, право собственности является одним из прав человека. Текст Декларации прав человека и гражданина 1789 года в этом отношении поучителен. Статья 2 Декларации действительно гласит: «Целью всякого политического объединения является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека, этими правами являются свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». А преамбула к Декларации уточняет, что права человека являются естественными, неотъемлемыми и священными. Следовательно, право собственности является неотчуждаемым естественным и священным правом человека; кроме того, оно неподвержено сроку давности.

Итак, как можно смотреть с высоты этого права на банальный статус имущества? Если право собственности является правом человека, которое должно быть защищено так же, как и свободы, то право собственности не может быть квалифицировано как имущество. Имущество по своей природе находится в сфере гражданского оборота: оно может изыматься, уступаться и передаваться. Права человека находятся за пределами гражданского оборота. В этом качестве они не могут изыматься, уступаться и передаваться. Поэтому собственность не может быть квалифицирована как имущество, поскольку в этом случае имущество окажется вне сферы гражданского оборота: это – аберрация!

Однако ничто не мешает рассматривать право собственности, право человека как право, которое имеет особый характер. Это особое право человека, потому что оно воплощает фундаментальную экономическую полезность. Таким образом, мы предполагаем, что право собственности является правом, касающимся суверенитета, правом, которое позволяет осуществлять абсолютную власть над имуществом, являющимся вещью, не важно, телесной или бестелесной. Вместе с тем множество правил, регулирующих передачу собственности, как при жизни, так и по причине смерти, или учреждение вещных прав на присвоенное имущество, вполне убеждает, что право собственности является имущественным правом в гражданском обороте.

Таким образом, имущество является объектом права собственности, а право собственности имуществом не является. Имущество определяется как объект собственности. Не следует путать право собственности с вещным правом. Собственность представляет собой понятие права, выражающее особые отношения, которые существуют между лицом и его имуществом. Это отношение в современной юридической мысли называется субъективным правом. Право собственности является основополагающим субъективным правом человека.

Однако следует признать, что на данный момент мы рассмотрели вопрос о ценности лишь побочным образом. К настоящему моменту мы установили, что имущество – это вещь, телесная или бестелесная. Мы также напомнили, что право собственности не является вещным правом, но основополагающим субъективным правом человека. Но не надо думать, что мы отрицаем понятие вещного права. Существует много видов вещных прав во французском праве, такие как узуфрукт, сервитуты, право пользования и проживания и все необходимые сопутствующие вещные права, как залог или ипотека. Только право собственности исключено из списка вещных прав.

Мы видим теперь, что имущество – это не любая вещь, так как это вещь, способная быть присвоенной, причем это присвоение обосновано экономической ценностью, присущей вещи. Это исследование позволило лучше понять различие между имуществом и вещами и, следовательно, разницу между правом собственности и вещными правами. Это также помогло лучше понять юридическое понятие ценности.

Б) Имущество, вещь, способная быть присвоенной

Вещь является имуществом, если она способна быть присвоенной. Что же это за качество, которое превращает вещь в имущество? По нашему мнению, это экономическая природа ценности, которая к ней прилагается. Согласно теории ценности, разработанной в наших трудах [38], это означает, что только вещи, ценность которых получает экономическое выражение, может быть имуществом. Другие вещи, ценность которых есть предмет почитания, впрочем, неважно, каким эпитетом их определить, не могут быть имуществом. Следовательно, экономическая ценность, объективная ценность является критерием имущества. Именно наделение вещи экономической ценностью позволяет ее присвоение. Однако некоторые могут иметь соблазн перепутать ценность с возможностью присвоения. И, наконец, уж совсем безоглядно, смешать ценность и право собственности! Право собственности явилось бы объективной ценностью имущества, потому что, в основном, право собственности позволяет отличать имущество от вещей, как и понятие ценности равным образом позволяет это делать. Но это значило бы возврат к смешению права собственности с вещью, смешению, к которому мы относимся негативно. Следовательно, мы будем воздерживаться от подобной амальгамы. Эта точка зрения, уже неприемлемая по ранее упомянутым причинам, тем более неприемлема из-за бесспорной реальности: существуют вещи, по отношению к которым не осуществляется никакое право собственности, и, тем не менее, они способны быть присвоенными. Речь идет о вещах без хозяина: *res derelictae* и *res nullius*.

Res derelictae и *res nullius* являются, без всякого сомнения, имуществом. Они могут явиться объектом присвоения, и они имеют несомненную экономическую ценность, хотя и никакого права собственности на них, предположительно, не осуществляется. Следовательно, речь идет о вещах, никому не принадлежащих, однако способных быть присвоенными именно на основании их экономической ценности. Другими словами, экономическая ценность существует прежде любого присвоения.

Мы можем сделать вывод из этого утверждения, что экономическая ценность имущества – это право собственности, ему присущее, так что мы предпочитаем говорить, что вещи являются имуществом, потому что экономическая ценность в них инкорпорирована. Именно она обосновывает возможность их присвоения. **Другими словами, не потому вещь способна быть присвоенной, что она является имуществом, а, наоборот, поскольку она является имуществом, она может стать объектом присвоения.** Если какая-то вещь способна быть присвоенной, то это потому, что ее ценность является предметом экономического выражения в обществе. Мы действительно видели, что в ходе ее появления в мире вещь, имеющая ценность, вступает в отношения «субъект – объект». Когда это отношение воспринимается обществом как торговое, ценность является предметом экономического выражения. Связанная с экономической ценностью, вещь становится имуществом, *res in patrimonio*, и, следовательно, способна стать объектом присвоения.

Когда представление ценности не может быть экономическим, поскольку она является священной, тогда речь идет не об имуществе, а о *res extra patrimonium*. Это такая вещь, почитание которой исключает ее из гражданского оборота. Она

не может быть объектом права собственности, так как она не наделена рыночной стоимостью. В римском праве такие вещи называли *res divini juris*. Конечно, сегодня вряд ли кто будет говорить о *res divini juris*¹². Тем не менее, значительное количество вещей может быть им уподоблено. Можно привести в качестве примера человеческое тело или захоронения, или общие вещи, как, например, воздух, который не может принадлежать кому-либо, потому что имеет жизненно важное значение, или, в еще более общем плане, явления природы. Короче говоря, это все, что мы сегодня обозначаем выражением «вещи вне гражданского оборота» или «неимущественные права». Эти вещи находятся в отношениях принадлежности с человеком, но это отношение не является правом собственности. Это еще одно субъективное право, которое можно было бы квалифицировать как зависящее от договаривающихся сторон право *intuitu personae*.

Таким образом, общие вещи не подлежат присвоению, поскольку их ценность не является экономической. Речь идет о «жизненно важной ценности». Эти вещи необходимы для жизни человечества и всех живых организмов на нашей планете. Они не могут быть объектом имущественной оценки, даже если у некоторых и возникал соблазн сделать это. Воздух, которым мы дышим, необходим для самой жизни, для любой жизни. Значит, он не может быть имуществом. Тем не менее каждый вдох является формой взаимоотношений между нами и вдыхаемым воздухом. Эта связь выражается тем, что мы называем потестативным правом *intuitu personae*. Это не право собственности, но власть, присущая каждому лицу. Так же, как мы не являемся собственниками нашего тела, но все же оно остается нашим телом; так же мы не являемся собственниками воздуха, которым мы дышим, но, тем не менее, он в нашей власти, поскольку необходим для нашего существования. Другими словами, во всех этих случаях обладание трансцендируется бытием. Общие вещи и человеческое тело единственны человеку. Как те, так и другое имеют жизненно важное значение. Но в то время как общие вещи могут рассматриваться некоторыми в качестве лиц по назначению, тело человека является лицом во плоти. В этой перспективе необходимо срочно разделить, что является областью лиц, а что попадает в сферу вещей. Человек, независимо от рассматриваемого общества, никогда не может быть объектом экономического выражения. Его ценность обязательно почитаема. Тем не менее некоторые элементы человеческого тела, если они не являются необходимыми для жизни и отделены от человека, могут приобретать качество вещи.

Так что, когда это возможно, достаточно, чтобы социальное представление о ценности изменилось и придало ему экономический, а уже не священный характер, чтобы мы уже имели дело с собственностью. Именно таким образом материалы человеческого происхождения могут при определенных условиях в тот момент, когда они отделены от тела, использоваться, как это предусмотрено в Кодексе здравоохранения, в терапевтических или промышленных целях и будут входить в «гражданский оборот». Кроме того, они воспринимаются законом как вещи и даже получают квалификацию «имущества», как это сделано в законе от 19 мая 1998 года об ответственности за производство недоброкачественной продукции, определяемой как товары для здоровья. Следовательно, на наш взгляд, одно можно сказать наверняка уже сейчас: имущество – это вещи, имеющие экономическую ценность. Ценность составляет экономическую сущность имущества. Это то, что мы собираемся сейчас рассмотреть.

В) ценность, экономическая сущность имущества

Объективная ценность представляет собой сущность в философском смысле слова, т. е. то, что само в себе и само по себе, т. е. то, что постоянно в вещах, ко-

¹² Об этих понятиях см.: [28].

торые изменяются. Другими словами, учитывая то, что мы определили выше, ценность является экономической сущностью имущества, поскольку она существует сама по себе и имеет устойчивый характер.

Кроме того, когда ценная вещь вводится в мир посредством акта познания, общество, как мы уже видели, устанавливает представление об этой ценности. Другими словами, общество определяет, может ли эта ценность подлежать экономической оценке. Тем не менее объективная ценность не изменяется, но ее введение на правовую сцену неизбежно вызовет необходимость ее денежной оценки. Социальное представление о ценности не влияет ни на ее существование, ни на ее характер, но отражает ее образ в мире. В связи с этим ценность вписывается в соотношение эквивалентности между двумя вещами (в широком смысле слова), одной из которых являются деньги, и настолько хорошо, что объективная ценность выступает чем-то вроде воспринимающей фото пленки: негатив меновой стоимости экономистов – если нам позволено использовать ссылку на фотографии. Речь идет о негативе, так как ценность предшествует акту познания, который является проявителем негатива, т. е. акт познания является элементом, который позволяет негативу стать очевидным для всех. С этой точки зрения ценность – это содержащее, а не содержание. Это само по себе потенциал.

Таким образом, в традиционной экономической мысли¹³ прежде всего констатируют, что слово «ценность» имеет два разных значения. Иногда она выражает полезность объекта, тогда речь идет о ценности употребления или ценности полезности. Иногда она выражает способность, которую этот объект передает своему обладателю в плане покупки других товаров, тогда речь идет о ценности обмена. В том, что касается конкретно ценности обмена, экономисты столкнулись вокруг двух основных идей. Для некоторых ценность основывается на полезности имущества, для других ценность базируется на количестве труда, затраченного на его производство.

Но в свете гегелевской теории сущности кажется, что в конечном итоге вражда, восстановившая друг против друга сторонников обеих теорий, оказалась бесполезной. Действительно, представляется более предпочтительным определить меновую ценность следующим образом: «Ценность есть не что иное, как экономическая сущность обмениваемых товаров, сущность, проявлением которой является цена; и эта сущность не имеет никакого содержания, которое может быть измерено. Это только социальная оценка, которая производится по отношению к объектам, мы должны признать, что она существует до обмена и это является основанием цены» [19, р. 721]¹⁴. Однако, по нашему мнению, нельзя одновременно рассматривать ценность как сущность обмениваемых товаров и как социальную оценку, произведенную по отношению к объектам. Действительно, по определению, сущность вещи присуща ей. А социальная оценка состоит из внешнего вмешательства в обмениваемый товар: в оценку ценности. Так что, по нашему мнению, если ценность является сущностью обмениваемой продукции, то это означает, что меновая ценность существует сама по себе и не зависит от социальной оценки.

Тем не менее ценность обязательно является объектом социальной оценки, которая является обоснованием цены. Меновая ценность есть на самом деле то, что действительно в реальности обменивается. Как подчеркивал Бастиа, обмен предполагает, что обмениваемые вещи являются соизмеримыми, что означает, что они имеют одну и ту же природу [1, р. 140]. Именно поэтому необходимо измерять их. И именно в этот момент происходит социальная оценка. Эта операция необходима для того, чтобы установить равноценность обмена. В связи с этим

¹³ См., например: [55; 35; 19; 1, р. 140].

¹⁴ Об экономических понятиях ценности см., в том числе: [24].

Аристотель заметил, что необходимо найти общую меру между обмениваемыми объектами. И неважно, впрочем, что эта общая мера коренится в полезности или в затраченных усилиях. Ни полезность, ни работа не лежат в основе ценности самой по себе. Зато полезность или работа позволяют обществу оценить меновую ценность, т. е. измерить ее. С этой точки зрения нужно понять, что, в конечном счете, не имеет значения, рассматривается ли обмен двух товаров или обмен товара на деньги. Как в том, так и в другом случае речь идет, в действительности, об обмене ценностей.

В принципе возможно, что старая идея меновой торговли не полностью исчезла из нашей современной цивилизации¹⁵. Каждое имущество включает в себе способность приобретать другое имущество. Но в то время как в архаических обществах вещи обменивались в зависимости от того, как их можно было использовать, то в нашей современной цивилизации существует, скорее, тенденция обменивать вещи в соответствии с их меновой стоимостью, а не с ценностью их использования.

Еще и сегодня ценность использования, иначе говоря, полезность вещи, ее применение, которое потенциально возможно, остается значимым фактором. Но не это выступает основной причиной обмена. Эта причина связана с вещью, а не с объективной ценностью имущества. Таким образом, можно считать, что договор в основе есть лишь обмен ценностями. Именно перемещение ценностей является основой обязательства. Сейчас мы должны рассмотреть проблему взаимосвязи между объективной ценностью и деньгами.

Ценность вещей, когда мы принимаем во внимание только ее, обязательно должна быть предметом оценки. Она не обладает, подобно деньгам, врожденной ликвидностью – если воспользоваться выражением Карбонье [7, № 5]. С этой точки зрения деньги появились, в какой-то степени, чтобы разрушить меновую торговлю¹⁶, не приводя, однако, к ее полному исчезновению. Но следует понимать, что если деньги – это имущество, разрушающее меновую торговлю, то лишь в той степени, в какой меновая торговля понимается как обмен натуральными продуктами.

В другом смысле, в смысле обмена ценностями, деньги – это ценность, обмениваемая на другую ценность, которая инкорпорирована в вещь. Это инструмент обмена. Поэтому можно полагать, что всякий контракт представляет собой обмен ценностями, которые рассматриваются как вещи. Поэтому мы говорим, что объективная ценность имущества является измеряемой величиной, но измеряемой не самой по себе, а в соответствии с эталоном, которым выступают деньги. Объективная ценность соответствует вместимости некоторого количества денег. Это есть вместимость.

В принципе, имущество было бы своего рода необычным денежным инструментом, рассматриваемым в качестве такового. Другими словами, возможность оценки предполагает, по нашему мнению, что имущество может иметь функцию денежного резерва. Разве это не одна из функций любого денежного инструмента?

Вместе с тем, если объективная ценность может быть представлена некоторым количеством денежных единиц (валюты), если она может иногда представлять собой эквивалент денежного инструмента, то она все же не есть валюта сама по себе, так как валюта – тоже ценность. Но валюта является абсолютной объективной ценностью, в том смысле, что она самодостаточна со времени введения принудительного курса. Независимость валюты является следствием авторитета Государства.

¹⁵ О меновой торговле см., в частности: [31].

¹⁶ По этому вопросу см.: [Op. cit., p. 85]. Авторы полагают, что деньги – это имущество, разрушающее меновую торговлю.

Помимо валюты, все имущества могут считаться объективными ценностями. Но они всегда рассматриваются в соотношении с валютой, в той мере, в какой они определяются относительно валюты. Только в этом смысле мы можем рассматривать валюту как имущество, разрушающее меновую торговлю. Следовательно, за пределами валюты объективные ценности относительны, а не абсолютны, потому что они по своей сути не являются взаимозаменяемыми и ликвидными, как это свойственно валюте. Впрочем, рассмотрение имущества как эквивалентной ценности иногда касается и самой валюты, когда она подпадает под сравнение с иностранной валютой¹⁷.

Во внутреннем праве валюта есть абсолютная объективная ценность по своей природе, но в международном праве она становится объективной ценностью, подлежащей оценке, следовательно, ценностью относительной. В этом случае это также эквивалентная ценность, следовательно, имущество. В общем, действительно, иностранная валюта рассматривается во Франции как товар, который продается в обмен на французскую валюту, которая и составляет его цену.

Таким образом, объективная ценность по своей сути является взаимозаменяемой, но только тогда, когда это просто эквивалентная ценность, она не обладает присущей валюте ликвидностью, ведь самой валюте, в принципе, оценка никогда не нужна. Кроме того, объективная ценность, поскольку она, в сущности, обладает экономическим характером и ведет учет имущества, имеет нематериальную природу. Но как только ценность инкорпорируется в телесную вещь, она сразу же приобретает природу последней. Именно в этом смысле она составляет сущность имущества, поскольку характеризует его по отношению к вещам самим по себе.

Но не следует думать, однако, что объективная ценность характерна только для телесных вещей. Бестелесные вещи также представляют собой ценность. Так обстоит дело, например, с ценными бумагами. Они, как это следует из их названия, являются ценностью. Речь идет об объективных ценностях, связанных с правом, которые иногда материализуются в виде документов. Опять же, речь здесь идет об имуществе, потому что вещь, являющаяся *res incorporalis*, имеет ценность, объект экономического выражения в обществе.

В отношении ценных бумаг следует также различать объективную ценность и субъективную, которая называется курсом. Объективная ценность или ценность предприятия всегда одинакова: это то, что называется номинальной ценностью. Но курс, или ценность, на бирже меняется постоянно. Именно он представляет собой финансовое обеспечение объективной ценности на данный момент времени, т. е. ее цену.

IV. Ценность, отделенная от вещи

До сих пор мы видели, что экономическая природа объективной ценности придавала вещи качество, которое позволяло ей выступать имуществом. Имущество – это вещь, ценность которой представлена в мире экономически. В современных цивилизациях, где эволюция ментальности характеризуется, по видимому, изрядной долей абстракции, мы отмечаем, что часто только ценность имущества принимается во внимание, так что вещь, на самом деле, выступает только носителем ценности. В этом случае возможно отделить ценность от вещи, порождая, таким образом, расчленение имущества. Речь идет о том, чтобы дать определение проблематике овеществления ценности.

По нашему мнению, идея ценности – *res* является позитивным концептом. Мы уже видели, что эта идея была использована в экономической теории ценностей. Так что идея ценности – *res* не так нова, как это может показаться. Действительно,

¹⁷ По этому вопросу см., в частности: [53; 46, № 141].

в экономической теории идея овеществления ценности связана с развитием марксистской мысли. В «Капитале» Маркс рассматривает исторический процесс, который приводит продукт труда к превращению в товар, тогда как ценность продукта становится меновой стоимостью.

Он отмечает, что обмен стирает в умах действующих лиц различия продуктов, т. е. их ценность использования, настолько хорошо, что в умах обменивающихся сторон остается только общая ценность продукта, которая становится в то же время обмениваемым товаром. Другими словами, ценность выступает как элемент, присущий самой природе продукта, а не как выражение труда, необходимого для его производства.

Это привело Карла Маркса к замечанию: «*Деньги заставляют циркулировать товары, которые уже концептуально трансформировались в деньги, и не только в сознании индивида, но и в представлении общества*» [50]. Другими словами, это не имущество, рассматриваемое в своей физической индивидуальности, которое в основе составляет причину обмена, а его ценность. Исходя из этого, она считается сама по себе вещью, которая сама способна стать объектом обмена. Таким образом, это больше, чем причина обмена, экономическая ценность выступает существенным образом его объектом.

По нашему мнению, можно рассматривать ценность также в качестве правового концепта, даже если он является только имплицитным, так как в свете этого краткого экскурса в экономическую теорию овеществленной ценности мы находим, что в праве также существует конструкция ценности – объекта, хотя и не всегда четко выраженная.

Эволюция менталитета, коррелирующая с эволюцией экономических систем, имела, по-видимому, следствием дематериализацию, т. е. все большее и большее лишение плоти объекта права собственности: т. е., в буквальном смысле, удаление тела, материала, в которых находится объективная ценность. Так, в наши дни имущества больше рассматриваются с точки зрения их ценности. Вещь или материальное вещество имущества не всегда принимаются во внимание. Однако, если во внимание принимается только ценность, следует признать в то же время, что ценность стала сегодня *res сама по себе*.

Эта идея может быть обнаружена, в частности, в теории движимого приращения всякий раз, когда она касается включения вещи, принадлежащей кому-то другому, нежели бенефициару приращения (ст. 547–577 ФГК).

Но, прежде чем начать изучение приращения с перспективой позитивного применения идеи ценности – *res*, мы должны уточнить, что мы его проведем, не забывая о том, связано ли контрактом лицо, которое инкорпорировало что-либо в вещь, с бенефициаром приращения. В целом правила приращения во французском праве чужды теории договоров и представляют собой диспозитивные правила в этом вопросе. Они будут использованы только в том случае, если договор ничего не предусмотрел. Поэтому логика этих правил исходит из области имущественного права, а не из сферы договорного права.

Мы на самом деле увидим, что идея ценности – *res* выражается в теории приращения одной движимой вещи к другой и, в частности, в правилах, определяющих спецификацию, т. е. создание нового объекта трудом человека. С этой точки зрения мы будем рассматривать, с одной стороны, понятие спецификации, с другой стороны – последствия включения человеческого труда в вещь, принадлежащую другому человеку.

А) Понятие спецификации

Статья 570 ФГК предусматривает: «*Если ремесленник или какое-либо другое лицо использовало материал, который ему не принадлежал, для создания вещи нового вида, вне зависимости от того, может или нет материал принять свою*

первоначальную форму, тот, кто был его собственником, вправе требовать передачи вещи, которая была из него создана, возместив стоимость вложенного труда, определяемую на день возмещения».

Что касается ст. 571 ФГК, то она дает уточнение в форме исключения из правила, установленного ст. 570 ФГК: «Тем не менее, если вложенный труд был настолько значителен, что он намного превысил стоимость использованного материала, обработка будет в этом случае считаться основной частью, а работник будет вправе удержать обработанную вещь, возместив собственнику стоимость материала, определяемую на день возмещения». Как одна, так и другая статья фигурируют в разделе II главы II Гражданского кодекса, относящихся к вопросу о праве приращения на то, что объединено с вещью или входит в ее состав. В связи с этим мы кратко напомним, что право приращения позволяет любому владельцу вещи приобретать в собственность все плоды, которые вещь приносит, и все, что с нею связано дополнительно, как естественным, так и искусственным путем (ст. 546 ФГК). Статьи 570 и 571 ФГК, касающиеся приобретения в собственность того, что инкорпорируется в вещь, в данном случае труд спецификатора. На самом деле спецификация, в том виде, в каком она упоминается в этих статьях, предполагает, что лицо трансформировало своим трудом вещь, принадлежащую другому лицу.

Необходимо сразу отметить, что применимость ст. 570 и 571 ФГК предполагает радикальную трансформацию обрабатываемой вещи. Другими словами, необходимо, чтобы работник создал вещь совершенно нового вида изготовлением деревянного стола, вина из винограда, одежды из ткани и т. д. Зато спецификация не имеет места, если работник ограничился улучшением вещи. Это, например, случай, когда работник только окрасил ткань, или... когда он просто вынул из колоса зерна, которые там находились.

Для того чтобы хорошо разобраться в положениях ФГК, касающихся спецификации [10], нам кажется полезным напомнить нормы римского права в данном вопросе. Мы сможем таким образом определить истинное основание для приращения в ст. 570 и 571 ФГК. Как только это основание будет установлено, мы откроем путь последствиям спецификации.

Б) Спецификация в римском праве

В римском праве теория спецификации была предметом знаменитой оживленной дискуссии между прокулианцами и сабинианцами [56]. Прокулианцы были источником разногласий. Они действительно утверждали, что преобразованный объект является новой вещью и, следовательно, должен принадлежать работнику. Они ссылались иногда на правила, регулирующие приобретение имущества путем захвата, иногда, еще проще, основываясь на идее, что вещь должна принадлежать тому, кто ее сделал. Сабинианцы бурно отреагировали на это новое учение. Правда, они не отрицали, что появляется новый объект, но они отказывали работнику в праве приобретения продукта, так как новая вещь должна принадлежать собственнику старой вещи¹⁸.

В античные времена приняли, в конце концов, промежуточное решение. Работник может приобрести право собственности на новую вещь при условии, что она не может вернуться к своей старой форме, «пусть это будет, например, вино, изготовленное из винограда другого, но не ваза, сделанная из металла другого». Эта промежуточная доктрина, которая закрепляет частично прокулианскую теорию, на первый взгляд кажется весьма рассудительной. В принципе идея состояла в том, что вещь являлась по-настоящему новой в той степени, в какой исходный материал исчезал окончательно, а не только *in speciem*. Если вино произведено из

¹⁸ По этому вопросу см.: [28, p. 342].

винограда, то это уже больше не виноград сам по себе. Тогда как металлический сосуд является как сосудом, так и металлом. Аналогичным образом, деревянный стол представляет собой стол или дерево, в зависимости от того, как мы хотим его использовать. Когда дерева не хватает, а надо согреться, иногда возникает необходимость в период кризиса использовать стол в качестве дров.

Споры между прокулианцами и сабинианцами указывают на трудности, связанные с правилами приращения. По крайней мере, стремление отыскать дополнительный элемент, идею инкорпорации ценности, возникло не само по себе. Это то, что осуществили, по нашему мнению, составители Гражданского кодекса, которые путем модернизации сделали прокулианскую теорию более изящной.

То, что прокулианцы инстинктивно чувствовали, не сумев убедительно выразить, выявил законодатель 1804 года: спецификатор включил свое производство в обрабатываемый материал. Новый объект является результатом соединения материала и производства. И то и другое рассматривается как объективная ценность.

В) Основание для приращения в ст. 570 и 571 ФГК

Решения, предусмотренные Гражданским кодексом, зависят от того, что можно было бы назвать движением маятника. Или же ценность материала имеет более высокую цену, чем стоимость производства, и в этом случае созданная вещь принадлежит собственнику материала. Или же именно стоимость производства является более значительной, и в этом случае право приобретения вещи остается за работником.

Тем не менее следует вновь подчеркнуть, что приращение движимого имущества имеет характеристику, которая не существует в приращении недвижимости, что является препятствием для его быстрого понимания. В то время как в вопросах недвижимости приращение носит односторонний характер, приращение движимого имущества имеет двусторонний характер. Односторонний характер приращения недвижимости упрощает принятие правил, которые его регулируют: земля притягивает все, что к ней прилагается. Пожалуй, именно в этом проявилось, вероятно интуитивно, юридическое применение научной теории земного притяжения. Во французском праве, действительно, все, что объединяется с землей или, в более общем плане, с недвижимостью в самом широком понимании, инкорпорируется с ним и становится собственностью владельца имущества, о котором идет речь.

В сфере движимого имущества не существует ничего подобного. В этой области два движимых имущества будут объединены, скомбинированы с тем, чтобы образовать новую вещь (ст. 570 и 571 ФГК) или просто улучшить ее (ст. 566 ФГК). В этом случае сам законодатель обязан ссылаться на принципы естественной справедливости, тогда как все мы знаем его обычную неприязнь к этим принципам (ст. 565 ФГК). Эта ссылка на естественную справедливость отражает трудности, возникающие при двустороннем приращении. Именно отчасти из-за этих трудностей столкнулись прокулианцы и сабинианцы.

Чтобы преодолеть этот структурный барьер, Гражданский кодекс вводит новое понятие: понятие главной стороны. Именно главная сторона будет являться точкой присоединения, полюсом притяжения принадлежности. Статья 567 ФГК предусматривает: *«Главной вещью признается та, с которой другая была объединена только для использования, украшения или дополнения первой»*. Но ст. 569 ФГК гласит, что если *«из двух вещей, объединенных в одно целое, одна не может рассматриваться как принадлежность другой, то главной считается вещь, которая является более значительной по стоимости или по объему, если их стоимость примерно равна»*. Таким образом, в сфере движимого приращения собственность будет приобретена либо собственником вещи, которая была украшена или улучшена, либо собственником вещи, у которой ценность значительнее. Дру-

гими словами, правила движимого приращения базируются то на функциональной взаимосвязи, то на экономической пропорции, существующей между вещами, объединенными или инкорпорированными одна в другую.

Что касается функциональной связи, принимают во внимание природу вещей (ст. 567 ФГК), например когда колесо было присоединено к машине. В этом случае важна функция объединенной вещи. Оно было присоединено к главной части, чтобы улучшить ее работу, ее использование, или даже, чтобы изменить ее внешний вид, не изменяя при этом ее фундаментальной структуры.

Когда экономическая пропорция между вещами установлена, принимается во внимание их обоюдная ценность (ст. 562 ФГК), например когда бриллиант был вставлен в оправу, ценность которой значительно ниже, чем ценность камня. В этом случае, *a priori*, бриллиант дополняет кольцо. Он был объединен с последним для его украшения. Тем не менее, если бриллиант имеет ценность намного более высокую, нежели оправа, должны быть приняты не только соответствующие функции обеих объединенных вещей, но и их ценность. Именно она будет определять результат приращения. Соответствующая ценность объединенных вещей стирает в сознании действующих лиц приращения их функциональное соотношение.

Статья 570 ФГК представляет собой частное применение случая учета функциональной связи, в то время как ст. 571 ФГК выступает применением второго случая – того, в котором устанавливается соотношение ценностей. Действительно, следует понимать, что спецификация является лишь частным случаем приращения. Ибо приращение обязательно предполагает наличие двух (или более) вещей, которые объединяются друг с другом в соответствии со ст. 546 ФГК.

В случае ст. 570 и 571 ФГК речь идет о материи и ручной работе. Иногда материал считается главной частью, потому что труд выступает лишь дополнением, и это случай, предусмотренный ст. 570 ФГК. Иногда это производство, которое считается главной частью, потому что, когда оно очень значительно, оно не может рассматриваться как дополнение к материалу. Наоборот, именно материал является дополнением к затраченной силе, т. е. работе. Это тот случай, который рассматривается ст. 571 ФГК.

В последнем случае необходимо определить соотношение между ценностями вещей, объединенных друг с другом. Соответствующая ценность материала и труда поможет определить главную сторону. А ст. 571 ФГК, в духе абсолютной согласованности, извлекает из этого все необходимые последствия, поскольку наделяет спецификатора правом приобретения обработанного материала. Другими словами, производство позволяет спецификатору приобретать в собственность материал путем приращения. Положение Гражданского кодекса воспроизводит в данном случае решение, рекомендованное прокулианцами, но обосновывает это решение иначе.

В то время как прокулианцы утверждали, что работник должен приобретать право собственности на вещь путем захвата, Гражданский кодекс обосновывает приобретение собственности работником по правилам приращения. Прокулианцы действительно считали, что обработанная вещь является новым объектом. Отсюда им было легко обосновывать приобретение этого объекта работником путем захвата, поскольку захват является приобретением чего-то, что не принадлежит никому в результате завладения этой вещью. Таким образом, захват предполагает, что приобретенная вещь никому не принадлежит и что приобретатель вступил во владение ею. Согласно мнению прокулианцев о спецификации, в той мере, в какой мы рассматриваем обработанную вещь новым объектом, гипотетически она не принадлежит никому, и спецификатор может завладеть ею путем захвата.

В ФГК, напротив, обработанная вещь новым объектом не является. Именно поэтому основой его приобретения работником не может быть захват. Основанием для такого приобретения является приращение. Однако приращение, в отличие от захвата, предполагает необходимость владения главной частью, чтобы иметь возможность приобрести в собственность единую вещь. Другими словами, должно иметься право предварительной собственности в отношении главной части, чтобы иметь возможность приобрести все вещи, которые с ней объединяются или в нее инкорпорируются.

Таким образом, Гражданский кодекс полагает, что в спецификации мы являемся свидетелями союза, а не двух отдельных вещей, по крайней мере, двух ценностей – материала и труда. Обоснование радикально иное. Это обоснование предполагает, что в сознании законодателя 1804 года производство, т. е. работа, является ценностью сама по себе, на которую по-настоящему распространяется право собственности.

В связи с этим ст. 546 ФГК гласит: *«Право собственности на вещь как движимую, так и недвижимую включает право на все плоды, которые приносит вещь и на все, что к ней присоединяется дополнительно, либо естественно, либо искусственно. Это право называется правом приращения»*. Таким образом, право приращения подчиняется праву первоначальной собственности. Только право собственности на вещь дает право приращения на то, что с ней объединяется или инкорпорируется в ней, а в отношении движимого имущества право приращения эксплицитно закрепляется ст. 566 ФГК за собственником вещи, которая была признана главной частью.

Таким образом, когда ст. 571 ФГК гласит, что работа может считаться главной частью, он признает тем самым, что эта работа является вещью, на которую по-настоящему распространяется право собственности. Но нужно подчеркнуть, что работа в данном случае уже выполнена, т. е. уже инкорпорирована в обработанную вещь. Объект, выполненный спецификатором, несет отпечаток его работы. Это и результат его работы, и ее носитель. Необходимо учитывать и этот второй ракурс для понимания смысла нормативных правовых актов.

Носитель работы – созданная вещь – содержит элементы, которые коренятся в работе спецификатора. Возьмем в качестве примера вазу, изготовленную из металла. Ее форма, пропорции – это произведение спецификатора. Сама функция вазы является результатом этого труда. Именно в этом смысле труд может быть объектом права собственности, поскольку он инкорпорирован в отработанный материал. Индивидуализированный, поскольку овеществленный, труд может одновременно являться объектом права собственности, по отношению к которому может применяться право приращения – таково решение ст. 571 ФГК. Поэтому труд – это имущество, ценность – *res*, которое, когда оно обосновывает право приращения, представлено выполненной работой. В этом случае произведение является результатом союза между материалом и работой. Оно материализует деятельность, заставляя до такой степени забыть об обработанном материале, что спецификатор рассматривается как собственник главной части.

Г) Последствия спецификации

Статья 570 ФГК признает существование права приращения за собственником обработанного спецификатором материала, вне зависимости от того, может ли материал восстановить свою первоначальную форму или нет. В свою очередь, та же статья предоставляет право удержания за спецификатором, поскольку она предусматривает, что собственник обработанного материала *«имеет право требовать передачи вещи, которая из него была создана, возместив стоимость вложенного труда»*. С этой точки зрения решение данной статьи отличается от ре-

шения ст. 566 ФГК. Это различие коренится в характере инкорпорированной ценности-работы.

В ст. 570 ФГК выдача вещи обусловлена возмещением цены, в ст. 566 само право приращения ему подчиняется. Другими словами, в случаях, предусмотренных ст. 566, собственник имеет выбор: приобретать или не приобретать путем приращения. Тогда как в том, что предусмотрено ст. 570, собственник выбора не имеет.

Напомним, что ст. 566 ФГК предусматривает следующее: *«Когда две вещи, принадлежащие различным хозяевам, объединились в единое целое, но, тем не менее, делимы в том смысле, что одна вещь может существовать без другой, целое принадлежит хозяину вещи, которая образует основную часть, с возложением обязанности выплатить другому стоимость присоединенной вещи на дату платежа»*. В данном случае собственность на главную часть влечет за собой право приращения на вещь, которая была объединена с условием, что собственнику второстепенной части возместят ее стоимость. Именно собственность целого обуславливает возмещение стоимости вещи, признанной в качестве дополнения. Это объясняется тем, что ст. 566 ФГК рассматривает случай, когда две вещи разъемны, так что одна может существовать без другой. Это, например, колеса, прикрепленные к машине, или же камень, которому кольцо просто служит оправой. Этот случай известен в римском праве. Он предполагает, что *«собственность на дополнительную вещь просто парализована или, если вам так больше нравится, мертва, только если нет возможности воскресения»* [Op. cit., p. 352]. Идея, выраженная в этой статье и ранее воплощенная в римском праве, такова, что собственник главной части может либо приобретать, либо не приобретать целое. В той степени, в которой две объединенные вещи могут быть разделены без неудобства, собственник главной части вполне может принять решение не приобретать целое, а собственник дополнительной части мог бы в этом случае претендовать на нее в натуральной форме, потому что его право собственности было как бы возрождено отказом владельца главной части приобрести целое.

Однако ст. 570 ФГК предусматривает, что собственник обработанного материала «вправе требовать передачи вещи, которая была из него создана, возместив стоимость вложенного труда». Другими словами, в данном случае мы имеем дело не с правом приращения, обусловленным возмещением стоимости труда, а с правом требовать выдачи обработанной вещи. Это означает, что уплата цены не гарантирует права приращения. Собственник обработанного материала немедленно становится собственником изготовленной вещи, независимо от того, возместил он или нет стоимость труда. Однако до тех пор, пока он не выполнил свое обязательство, собственник не может получить доставку вещи. В связи с этим данное решение отличается от решения, предложенного ст. 566 ФГК. Это различие коренится в характере ценности-труда, инкорпорированного спецификатором.

Инкорпорирование работы спецификатора дает ему выгоду в виде права удержания (ст. 571 ФГК). Но когда инкорпорированная ценность явно превосходит стоимость обработанного материала, спецификатор имеет право приращения по отношению к обработанному материалу, так что право удержания и право приращения являются двумя ветвями альтернативы с точки зрения инкорпорирования ценности.

Действительно, бывает, что работа становится настолько значительной, что обработанный материал сам об этом свидетельствует. Новый объект является произведением большим, чем это заключалось в материале, например скрипка, изготовленная скрипичным мастером из дерева, которое ему не принадлежит. Скрипка в основном является результатом его работы. Ее окончательная стоимость – почти полностью плод его труда. Древесина является только дополни-

тельной частью к искусству скрипичного мастера. Это именно тот случай, который предусмотрен ст. 571 ФГК. В этом случае ценность работы считается главной частью. И тогда именно спецификатор пользуется правом приращения при условии возмещения стоимости материала.

Таким образом, совместное действие ст. 570 и 571 ФГК следующее: иногда инкорпорирование производства – стоимости труда – приводит к праву удержания в пользу спецификатора, иногда оно приводит к праву приращения. Право удержания и право приращения являются двумя ветвями альтернативы в сфере инкорпорирования ценности, так что право удержания выступает противовесом приращения.

Итак, теория ценности позволяет, на наш взгляд, закрепить обновленные концепции, которые лучше отражают позитивное право. Нет сомнения, что всегда легче разрушать, чем строить. Вероятно, у читателя возникнет соблазн высказать такой упрек. Тогда как на самом деле мы ничего не разрушили. *De lege lata*, ничего не было изменено с введением теории ценности во французское гражданское право. Однако то, что мы предложили изменить, – это взгляд на право, как оно есть, и это изменение парадигмы представляется актуальным в свете эволюции французского гражданского права. Мы отыскали его обоснование в области права собственности и развили его применение в сфере права, регулирующего обеспечение исполнения обязательств, но остаются еще и другие неисследованные области применения, такие как вексельное право¹⁹, а также право наследования и дарения, глубоко переработанные в Законе № 2006-728 от 23 июня 2006 г. [36]. Действительно, теперь понятие ценности лежит в основе закона наследования и дарения. Мы его находим, например, в случае принятия в размере актива нетто, и в частности в том, что касается предмета общего залога кредиторов наследователя. Последний оценивается «в размере стоимости, а уже не в натуральной форме, что обязательно приведет к спорам по поводу оценки имущества» [45]. В том же ключе п. 1 ст. 826 ФГК предусматривает, что равенство *в разделе равно равенству в ценности*. Но на самом деле, как мы показали, идея ценности существовала в зачаточном состоянии с 1804 года, хотя и не так явно проявлялась в нашем Гражданском кодексе. В связи с этим представляется целесообразным напомнить здесь точку зрения, высказанную Анри почти сто лет назад и звучащую сегодня поразительно свежо: «... в процессе эволюции современной экономики право все более и более отделяется от индивидуализированных вещей, чтобы переместиться на ценности» [34, р. 303].

De lege ferenda, мы не сомневаемся, что теория ценности может иметь некоторые последствия, особенно в отношении применения ст. 1, п. 1 Первого Дополнительного протокола к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая гласит: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». Это положение означает, что различают, во-первых, покушение на имущество без нарушения права собственности самого по себе, во-вторых, случай с лишением права собственности или экспроприацией.

С учетом нашей теории ценности, экономической сущности имущества, мы можем в этом случае защитить тех, кто, не будучи экспроприированными, и без потери вещи, теряют все же часть своего имущества, т. е. часть экономической ценности, сопутствующей их вещи. Так, те, кто страдают из-за вывода из эксплуа-

¹⁹ См.: [26; 54; 33]. Мы думаем, в частности, о независимости вексельного обязательства в рамках фундаментальных отношений, выражающих кристаллизацию ценности обязательства путем ее инкорпорирования в ценную бумагу.

тации своих земель, которые после того, как их можно было застраивать, теряют статус пригодных к застройке на основании решения государственного органа, часто, если не всегда, не имеют права ни на какую компенсацию – ни на момент принятия решения, ни раньше, в то время как они все же понесли ущерб ценности их имущества. В этом случае они могли бы действовать на основании экспроприации ценности. Именно с этой точки зрения Европейский суд по правам человека вынес решение, в котором он *«считает, что существование в течение всего рассматриваемого периода запрета на строительство препятствует полному осуществлению прав собственности и усиливает разрушительное воздействие на положение заявителя, существенно ослабляя, среди прочего, возможность продать землю»*²⁰. В этом случае Европейский суд по правам человека усмотрел нарушение ст. 1 Протокола № 1 в той степени, в какой заявитель был вынужден нести *«особое и чрезмерное бремя, которое нарушило справедливый баланс, который должен существовать между, с одной стороны, требованиями общего интереса и, с другой, обеспечением права на уважение собственности»*²¹.

Таким же образом можно считать, что имеет место посягательство на имущество тех, чье окружение резко изменилось, до такой степени, что их имущество, ранее расположенное в районе без шума или других неудобств, теперь, например, оказалось вблизи железной дороги или шоссе. И это имущество, как в отношении спокойного пользования им, так и в силу своей экономической ценности, значительно потеряло, если не полностью утратило, шансы быть проданным своим собственником, будь на то его желание. По нашему мнению, можно было бы даже полагать, что в данном случае имеет место частичная экспроприация ценности, поскольку нет никаких сомнений в том, что экономическая сущность имущества – т. е. его объективная ценность – была обременена в связи с новыми отрицательными факторами, которые влияют на дотоле спокойное пользование имуществом.

И наконец, теория ценности в гражданском праве позволяет, на наш взгляд, снова предоставить место вещам в области права, позволяющее рассматривать вещное право, в котором останется *«различие между лицом и вещью, с менее подчеркиваемым восприятием и отношений между ними, поскольку в сознании формируется мысль, что вещи не являются неизбежно добычей людей и могут, подобно людям, быть достойными уважения. Право собственности, конечно, сохранит имущественное управление присвоенными вещами; но возникнет другая сторона некоторых вещей, где их не рассматривают в качестве объектов права. Именно с этим новым взглядом, возможно, наступило время осознать реальность»* [47, № 10]. Так что, как это ни парадоксально, понятие ценности в гражданском праве, которое предполагает бестелесный подход к имуществу, позволяет сделать право ближе к физической реальности. Этот подход позволяет отличать физическое лицо – субъект права от имущества – объекта права. Таким образом, правовая теория ценности требует некоторого смирения перед тем, что уместно назвать объективной реальностью, той, которая предстает перед нами [57, р. 46] и которая, в значительной степени, нам до сих пор неизвестна.

²⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 17.10.2002 г. по делу «Терацци против Италии» [11].

²¹ В том же самом смысле см. дела: «Спорронг и Леннрот против Швеции» (23.09.1982 г.) [15]; «Эркнер и Гофауэр против Австрии» (23.04.1987 г.) [13]; «Пуасс против Австрии» (23.04.1987 г.) [14]; «Элиа против Италии» (02.11.2001 г.) [12].

Литература

1. Bastiat F. Oeuvres complètes. – 5e Ed. – T. VI : Harmonies économiques. – Paris : Guillaumin, 1864.
2. Baud J. P. La prothèse, personne par destination // Mélanges à la mémoire de D. Huet-Weille. – Paris : LGDJ, 1994.
3. Bellivier F. RTD Civ. – 2004. – 787.
4. Bergel J.-L., Bruschi M., Cimamonti S. Traité de droit civil. Les biens. – Paris : LGDJ, 2000. – № 1.
5. Bertin. Touche pas à mon dentier // Gaz. Pal. – 1985. – Doct. p. 626.
6. Beudant L. Ch. A., Beudant R., Lerebours-Pigeonnière P. Cours de droit civil français. – 2e Ed. – T. IV. – Paris : Rousseau & Cie, 1934. – № 8.
7. Carbonnier J. Droit civil. Les biens. – Paris : PUF, 2004. (Collection Quadrige).
8. Catala P. La transformation du patrimoine dans le droit civil moderne // RTD Civ. – 1966.
9. Condillac E. B. de. Le commerce et le gouvernement, considérés relativement l'un à l'autre: Ouvrage élémentaire. – Amsterdam et Paris : Chez Jombert & Cellot, 1776.
10. Cornu G. Vocabulaire juridique / Association H. Capitant. – Paris : PUF, 2007. – V Spécification.
11. Cour EDH. Affaire Terrazzi srl c. Italie, 17 octobre 2002 // Sources HUDOC (European Court of Human Rights) (*non publié*).
12. Cour EDH. Affaire Elia S.r.l. c. Italie, 2 novembre 2001. – CEDH. – 2001. – § 57.
13. Cour EDH. Affaire Erkner et Hofauer c. Autriche, 23 avril 1987. – Série A, n° 117, p. 65, § 74.
14. Cour EDH. Affaire Poiss c. Autriche, 23 avril 1987. – Série A, n° 117, p. 108, § 64.
15. Cour EDH. Affaire Sporrang et Lönnroth c. Suède, 23 septembre 1982. – Série A, n° 52, p. 24, § 61.
16. Dabin J. Le droit subjectif / préface de Ch. Atias. – Paris : Dalloz, 2008.
17. Delmas-Marty M. Les forces imaginantes du droit. Le relatif et l'universel. – Paris : Éditions du Seuil, 2004.
18. Demolombe Ch. Cours de Code Napoléon. – 6e Ed. – T. IX. – Paris, 1880. – № 8.
19. Denis H. Histoire de la pensée économique. – Paris : PUF, 2008.
20. Descartes R. Discours de la method. – 4e Partie.
21. Edelman B. De la propriété-personne à la valeur-désir // Dalloz. – 2004. – Ch. p. 155.
22. Egea P. RJPF. – 2004. – Septembre. – P. 6.
23. Fabre-Magnan M. Propriété, patrimoine et lien social // RTD Civ. – 1997. – 583 – № 27.
24. Fourquet F. Richesse et puissance: Une généalogie de la valeur. – Paris : La Découverte, 1989.
25. Galloux J.-C. Dalloz. – 2004.2379.
26. Gavalda Ch., Stoufflet J. Instruments de paiement et de credit. – 5e Ed. – Paris : Litec, 2003. – T. 2.
27. Ginossar S. Droit réel, propriété et créance. – Paris : LGDJ, 1955.
28. Girard P. F. Manuel de droit romain. – Paris, 1978.
29. Grzegorzczak Ch. La théorie générale des valeurs et le droit. – Paris : LGDJ, 1982.
30. Grzegorzczak Ch. Le concept de bien juridique : l'impossible définition? // Archives de philosophie du droit. – Paris, 1979. – T. 24. – Les biens et les choses.
31. Guittou H., Bramouille G. La monnaie. – Paris : Précis Dalloz, 1987.
32. Hartmann N. Les principes d'une métaphysique de la connaissance. – Paris : Aubier, 1945. – T. 1.
33. Hecart Ch. Réflexions à propos de la traite non acceptée // Dalloz. – 2003. – P. 539.
34. Henry A. De la subrogation réelle conventionnelle et légale. – Paris : LGDJ, 1913.
35. Histoire des pensées économiques. Les fondateurs / ouvrage collectif dirigé par A. Gélédan. – Paris : Sirey, 1988.
36. Journal Officiel. – 2006. – 24 juin. – P. 9513.
37. Kant E. Critique de la faculté de juger. – Paris : Gallimard, 1985. (Folio essays).
38. Krief-Semitko C. La valeur en droit civil français. Essai sur les biens, la propriété et la possession. – Paris : L'Harmattan, 2009. (Collection logiques juridiques).

39. Labbée X. La condition du corps humain avant la naissance et après la mort. – PUF, 1990.
40. Labbée X. La dépouille mortelle est une chose sacrée // Dalloz. – 1997. – P. 376. – Note sous TGI Lille, 5 décembre 1996.
41. Labbée X. La dévolution successorale des restes mortels // AJF. – 2004. – P. 123.
42. Labbée X. La valeur de l'embryon congelé // Dalloz. – 2004. – P. 1051. – Note sous T. A. d'Amiens, 9 mars 2004.
43. Labbée X. Le chien-prothèse // Dalloz. – 1999. – 350. – Note sous TGI de Lille.
44. Legros E. L'embryon produit défectueux // Petites affiches. – 2002. – 5 septembre.
45. Leroyer A.-M. Réforme des successions et des libéralités : Loi № 2006-728 du 23 juin 2006 portant réforme des successions et des libéralités // RTD Civ. – 2006. – 612.
46. Libchaber R. Recherches sur la monnaie en droit privé. – Paris : LGDJ, 1992.
47. Loiseau G. Pour un droit des choses // Dalloz. – 2006. – 3015.
48. Loiseau G. Typologie des choses hors du commerce // RTD Civ. – 2000. – 47.
49. Malaurie Ph. Respecter la vie humaine, oeuvre de Dieu ou de la nature // Petites affiches. – 2002. – 5 sept. – Colloque «La vie humaine mise sur le marché».
50. Marx K. Grundrisse der Kritik des politischen Ökonomie (manuscrits 1857–1858).
51. Mazeaud, Chabas F. Leçons de droit civil. Introduction à l'étude du droit. – 10ème Ed. – 1991. – T. 1, vol. 1. – № 174.
52. Moine J. Les choses hors du commerce : Thèse. – Dijon, 1993.
53. Pannier J. Aspects juridiques du change des monnaies : These. – Clermont-Ferrand, 1975.
54. Piédelièvre S. Instruments de crédit et de paiement. – Cours Dalloz, 2007.
55. Ricardo D. Principes de l'économie politique et de l'impôt. – Paris : Flammarion, 1971.
56. Saint-Alary R. Rép. Civil Dalloz. – 1999. – Septembre. – V Accession. – № 224.
57. Simmel G. Philosophie de l'argent. – Paris : PUF, 2009.
58. Soinne B. Candide et la brevetabilité du genome // Petites affiches. – 2002. – 5 septembre. – Colloque «La vie humaine mise sur le marché».
59. Villey M. Philosophie du droit. – Paris : Dalloz, 2001. – № 200. – P. 253.
60. Zenati F. Essai sur la nature juridique de la propriété, contribution à la théorie du droit subjectif : Thèse dactylographiée. – Lyon, 1981.
61. Zenati F. Les biens. – Paris : Presses Universitaires de France, 1988.
62. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007.
63. Архипов С. И. Собственность: правовые грани. – М. : Юрлитинформ, 2014.
64. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2008.

Krief-Semitko Ekaterina Pavlovna,

Doctor of Law (France);

Emeritus Professor at USLU (Ekaterinburg)

Introduction to Legal Value Theory in French Civil Law

The article explores the legal value theory which treats the notion of value as an objective phenomenon inherent in the outer world, both animate and inanimate. The value is the substance independent of consciousness, the inherent part of the being. A man can only reveal and cognate the value but not create it. The nature of the value can be non-economic (spiritual, sacral, etc.) and economic as well. The essence of property is constituted by economic values. Right to property is neither ownership right nor proprietary right, but it represents the fundamental subjective right of a man, his natural and sacred right. The author criticizes some aberrations of classic ownership doctrine using French Civil Code's interpretations. The applications of legal value theory with regard to norms of specifications and increment are considered. The consequences of this theory give possibilities to protect those who lose the part of their property, i. e. the part of their economic value, without the loss of object.

Key words: value; person; property right; object; embodied object; disembodied object; human body; proprietary rights; ownership; natural object of ownership right; ownership rights; economic essence of property; specification; increment.